

ИДЕНТИЧНОСТЬ В ЦИФРОВОМ ИЗМЕРЕНИИ И ИСТОРИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

УДК 316.35 (571.1)

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-3/99-120

Научная статья

© В. В. Бубликов, А. С. Свидовская

РОДНОЙ ЯЗЫК И ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СРЕДИ РУССКО-УКРАИНСКИХ БИЭТНОРОВ В РОССИИ

В статье рассматриваются особенности идентичности русско-украинских биэтноров в России. На основе полевых исследований, выполненных качественным и количественным методами в пяти субъектах РФ с традиционно высокой долей населения украинского происхождения, анализируется роль «родного» и «используемого» языка в формировании этнических чувств респондентов. Наличие русской и украинской компоненты идентичности биэтноры объясняют по-разному: русскую — они обосновывают прежде всего страной проживания, в меньшей степени происхождением, родным и используемым языком. Украинская этничность обосновывается главным образом происхождением (наличием украинских предков), и намного реже особенностями культуры, внутренним ощущением. Язык (родной или используемый) большинством не называется в качестве фактора обоснования своей этничности. Тем не менее, для жителей «бывших» украинских районов и выходцев из них и Украины в крупных городах украинский язык или суржик («хохлацкий»), наличие языкового своеобразия — главный признак, отличающий их от «чисто» русских. Низкая доля выбирающих украинский язык в качестве фактора, обосновывающего принадлежность к украинцам, по данным массового опроса даже в местах компактного проживания биэтноров, объясняется широко распространенным представлением, что их разговорный «хохлацкий» язык якобы сильно отличается от украинского, которого они в большинстве своем не знают, что в значительной степени гиперболизировано. Это «незнание» правильного украинского языка в самосознании биэтноров мешает им в полной степени причислять себя к украинцам, из-за чего они более охотно пользуются этнонимом «хохлы». Такая ситуация обусловлена тем, что много

Бубликов Василий Валерьевич — к. с. н., доцент, Белгородский государственный национальный исследовательский университет (308015 Белгород, ул. Победы, 85). Эл. почта: v.bublikov@mail.ru

Свидовская Анастасия Сергеевна — аспирант кафедры отечественной истории, Алтайский государственный педагогический университет (656031 Барнаул, ул. Молодежная, 55). Эл. почта: nastyasvi@mail.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–011–00676 «Множественная русско-украинская этническая идентичность в России и ее региональные особенности».

поколений украинцев не изучали родной язык в школе, а карьера и социальный прогресс возможны только при переходе на русский язык.

Ключевые слова: двойственная русско-украинская идентичность, этноидентичность, биэтничность, биэтноры, родной язык, украинский язык, украинцы в России, суржик, полилингвизм.

Ссылка при цитировании: Бубликов В. В., Свидовская А. С. Родной язык и этническая идентичность среди русско-украинских биэтноров в России // Вестник антропологии, 2022. № 3. С. 99–120.

UDC 316.35 (571.1)

DOI: 10.33876/2311-0546/2022-3/99-120

Original Article

© *Vasily V. Bublikov and Anastasia S. Svidovskaya*

NATIVE LANGUAGE AND ETHNIC IDENTITY AMONG RUSSIAN-UKRAINIAN BI-ETHNIC POPULATION IN RUSSIA

The article discusses the identity of the Russian-Ukrainian bi-ethnic population in Russia and is based on field research, which employed both qualitative and quantitative methods in five regions of the Russian Federation with a traditionally high proportion of Ukrainian population. The study aims to analyze the role of the “native” and the “used” language in the formation of ethnic feelings of the bi-ethnic respondents. They explain the Russian and the Ukrainian components of their identity in different ways: their Russian identity is, first of all, due to the country of residence, to a lesser extent by origin, native and used language. Ukrainian ethnic identity is mainly due to the origin (Ukrainian ancestors), and much less often to cultural practices, inner feelings. The language (native or used) is not mentioned by the majority as a factor in defining their ethnicity. Nevertheless, for residents of the “former” Ukrainian districts and people from them and Ukraine in large cities, the Ukrainian language or Surzhyk (“Khokhlyatsky”), the presence of linguistic features is the main feature that distinguishes them from “purely” Russians. According to the survey, the low percentage of those who choose the Ukrainian language as a reason to feel Ukrainian, even in places where most population is bi-ethnic, is explained by the widespread belief that their spoken Surzhyk differs greatly from Ukrainian, which is a great exaggeration. The alleged ignorance of the correct Ukrainian language in the self-consciousness of the bi-ethnic people prevents them from fully identifying themselves as Ukrainians, which is why they more willingly call themselves “Khokhly”. This situation is due to the fact that many generations of Ukrainians did not study their native language at school, and career and social progress are only possible with the transition to the Russian language.

Keywords: dual Russian-Ukrainian identity, ethnic identity, bi-ethnicity, bi-ethnic population, native language, Ukrainian language, Ukrainians in Russia, Surzhyk, polylingualism.

Authors Info: Bublikov, Vasily V. — Ph.D. in Sociology, Belgorod State University (Belgorod, Russia). E-mail: v.bublikov@mail.ru

Svidovskaya, Anastasia S. — Ph.D. student, Altai State Pedagogical University, (Barnaul, Russia). E-mail: nastya-svi@mail.ru

For citation: Bublikov, V. V. and A. S. Svidovskaya. 2022. Native Language and Ethnic Identity among Russian-Ukrainian Bi-ethnic Population in Russia. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)*. 3: 99–120.

Funding: The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, scientific project No. 20–011–00676 “Multiple Russian-Ukrainian ethnic identity in Russia and its regional characteristics”.

Постановка исследовательской проблемы и степень ее изученности

Россия исторически является многонациональным государством, в котором согласно Всероссийской переписи населения 2010 г., проживают представители более 190 национальностей. В результате перманентных процессов миграции, этнического смешения посредством браков, аккультурации и ассимиляции, этническая структура населения России, отражаемая в переписях, многообразна, но не статична, а «точное число народов — показатель весьма условный» (Богоявленский 2018: 22). Однако, из поля зрения официальной статистики и многих исследователей до недавнего времени «выпадали» переходные этнические группы, возникшие «на стыках» двух и даже более народов.

В России группы с множественной этничностью стали относительно активно изучаться с 2000-х гг. этнологами, социологами, психологами (Курске 2011; Штейн 2005; Тишков, Кисриев 2007; Рябиченко 2019). Большинство таких биэтнических групп возникло благодаря этнически смешанным бракам и вследствие ассимиляции этнических меньшинств, в том числе и в местах их компактного проживания. Возможности поддержания и развития этнокультурной идентичности таких меньшинств в России, особенно из числа тех, которые имеют «свои» государства (украинцы, белорусы, казахи и др.), ограничены из-за политизации этничности. При этом представители этих этногрупп принимали активное участие в заселении территорий Российской Федерации и потому, как пишет В. А. Тишков, «это автохтонное население России, и они никак не могут быть отнесены к группам иммигрантского происхождения» (Тишков 2021: 22).

По данным Всероссийской переписи 2010 г. среди пятнадцати наиболее многочисленных народов России самый высокий показатель сокращения численности был зафиксирован среди украинцев (по сравнению с переписью 2002 г. — 34,5%) (Всероссийская перепись). Как отмечает В. В. Степанов: «Российские украинцы сократились почти на один миллион человек без какого-либо заметного переселения на Украину или другие государства. Это результат процесса самоидентификации и одно из проявлений двойственной идентичности» (Степанов 2018: 81).

По сравнению же с более ранними переписями вообще можно констатировать, что за последнее столетие в России произошло многократное сокращение числа украинцев. По данным всех переписей населения доля украинцев сокращалась в течение всего XX века, за исключением 1970–1980-х гг., когда их численность несколько возросла, благодаря миграционному притоку из Украины (Рис. 1). В целом за без малого столетие относительная численность украинцев в России сократилась в 9 раз (с 7,42% в 1926 г. до 0,79% в 2015 г.). Население же с родным украинским

языком на территории в современных границах РФ за 1897–2010 гг. сократилось более чем в 17 раз (с 6,12% до 0,35% соответственно).

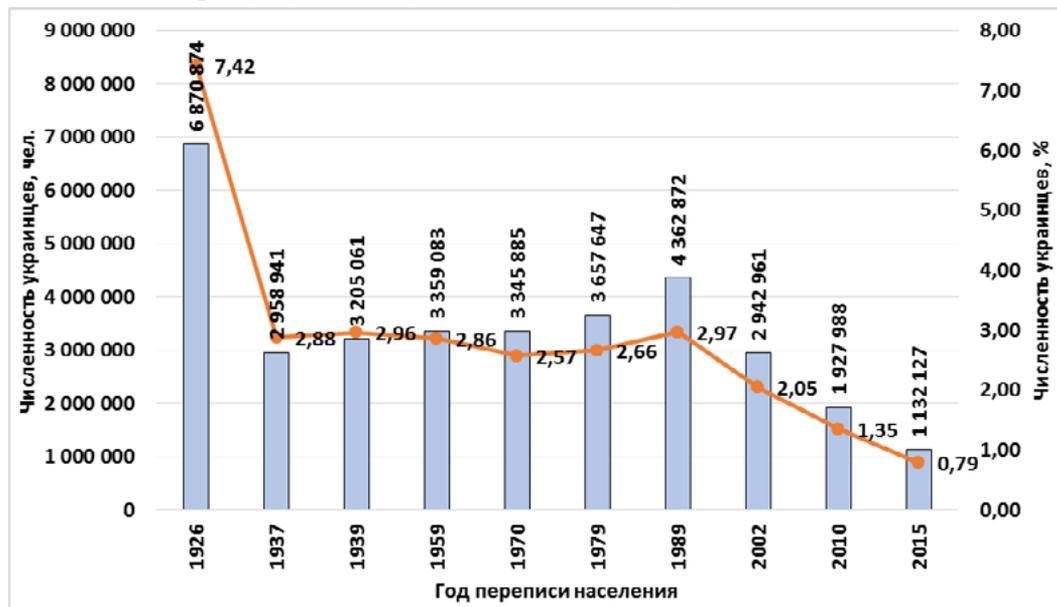

Рис. 1. Абсолютная и относительная численность украинцев в России (в границах 2010 г.) по данным переписей населения 1926–2015 гг. (2015 г. — оценка на основе данных микропереписи), чел.,%1.

В этом тренде на сокращение выделяются два относительно коротких периода, когда число украинцев сократилось в разы: 1930-е гг. (последствия голода и политических репрессий²) и период после распада СССР, когда «национальность» стала значительной частью населения восприниматься как принадлежность к стране (гражданство), а возможности этнокультурного развития украинцев в России сократились даже по сравнению с советским периодом.

Вопрос изменения этнической идентичности украинского населения в России тема относительно малоизученная. Всплеск интереса к украинцам возник у исследователей сравнительно поздно — с конца XX века, поскольку как отмечает К. С. Дроздов: «После свертывания на рубеже 1932–1933 гг. политики украинизации сначала на территории РСФСР, а затем фактически и на Советской Украине, где многие ее инициаторы были репрессированы, в советской историографии надолго, вплоть до конца 1980-х гг., на изучение этого вопроса накладывается своего рода табу» (Дроздов 2016: 19–20).

В 2000–2010-х гг. появился целый ряд обобщающих научных работ, посвященных численности, истории заселения, проблемам сохранения и трансформации материальной и духовной культуры, этнической идентичности украинцев в приграничных

¹ Составлено по: Демоскоп; Всесоюзная перепись, Росстат.

² Например, В. А. Тишков, описывая причины сокращения численности украинцев в России в 1930-е гг., пишет: «Русскость, перейдя из широкой категории „православного человека“ великорусского, малорусского и белорусского происхождения в более узкую категорию этнической общности („нации“), становилась все более престижной и безопасной в условиях доминирования советской русскоязычной культуры и ужесточающегося политического режима» (Тишков 2007: 86).

с Украиной регионах, на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке (Крамарчук 2000; Кабузан 2006; Бабута 2008; Молощенков 2010; Высоцкий 2012; Грибанова 2017; Завьялов 2017; Темиргалеев 2017). Немаловажную роль в исследованиях занимает тема существования украинского языка на территории России и языковые изменения среди украинцев (Карелина 2006; Блохинская 2015; Свидовская 2020).

Особенности этнической идентичности среди потомков украинцев исследователи относительно активно изучают с 2010-х гг. При этом социологи говорят о «формировании русско-украинской биэтничности» (Бубликов 2019), а этнографы о «ситуативной или плавающей идентичности» (Фурсова 2019: 752), «сложной многоуровневой идентичности» (Октябрьская 2015: 226) и т. д. В любом случае очевидно, что среди потомков украинцев в России относительно широко распространена множественная русско-украинская идентичность, иногда с добавлением и иных этнических компонент.

Нельзя также не отметить, что среди жителей украинского происхождения особенно в местах их традиционного, компактного расселения (сельская местность) широко используется в качестве самоназвания этноним «хохлы». Смысловое значение этого этнонима в течение последнего столетия в российских регионах совместного проживания русских и украинцев значительно изменилось. В начале XX в., как писала Л. Н. Чижикова, в «районах смешанного русско-украинского расселения ..., украинцев называли „хохлами“, а русских — „москалями“, „кацапами“ <...> названия „русский“, „украинец“, „малоросс“ в то время были мало употребительными в местном обыденном языке» (Чижикова 1988: 49). Но затем, уже во второй половине XX в., в местах компактного проживания украинцев, этноним «хохлы» стал играть роль эндоэтнонима, все больше отдаляясь в значении от «украинцев»¹, а этноним «москаль» практически полностью вышел из употребления, став восприниматься как неполиткорректный. В настоящее время большинство потомков украинцев в местах их компактного проживания понимает под «хохлами» некую субэтническую переходную группу, между украинцами и русскими. Для многих русско-украинских биэтнонов этноним «хохлы» является самоназванием, без негативной коннотации².

Двойственная идентичность нередко сопровождается двуязычием (билингвизмом) и трудностью в определении единственного языка в качестве родного. Поскольку язык является ведущим инструментом межкультурного взаимодействия и отличительным признаком этнической группы, то в современных условиях, определяемых процессами глобализации, изучение связи языка и этнической идентичности становится все более актуальным. Как пишет М. Ю. Мартынова: «Язык как явление социальное, имеет две основные функции: наряду с практическим коммуникативным предназначением он играет еще и символическую роль. Язык формирует чувство

¹ Например, Т. А. Листова по данным полевых исследований в Воронежской обл. констатирует: «Сравнивая данные, собранные в 2002 г. и современные, приходишь к выводу, что в настоящее время этническое, точнее, этнорегиональное, самоназвание „хохол“ гораздо более дистанцировано от базового понятия „украинец“, нежели это наблюдалось в 2002 г. Если 10 лет назад самоопределение „хохол“ обычно соотносилось с понятием „украинец“, сейчас же последнее все чаще исключается из самоопределения» (Листова 2014: 123).

² По данным нашего исследования 2021 г. среди русско-украинских биэтнонов в местах их компактного проживания 67% ассоциируют себя с этнонимом «хохлы» (для 46% это близкое, положительное название, для 5% — близкое, но несколько обидное название, 16% — считают себя «хохлами» отчасти), а в местах дисперсного проживания — 56% (31%, 6% и 20%, соответственно). При этом 30% сельских и 38% городских биэтнонов не ассоциируют себя с этим этнонимом.

родственности с группой и одновременно значим для дифференциации индивидов и сообществ. Он является основным средством, с помощью которого люди могут различать, принадлежит ли человек к их сообществу» (*Мартынова* 2021: 8–9).

Современные исследователи неоднозначны в определении роли языка в формировании и/или поддержании этнической идентичности. Одна группа исследователей считает, что этническую идентичность необходимо рассматривать в тесной связи с языком, так как именно он является одним из важнейших условий существования любой социальной общности (*Евсеева* 2009; *Морзавченков* 2015). Другая группа исследователей полагает, что язык не является определяющим фактором этнической идентичности, поскольку идентичность может существовать без языка, который в таком случае играет символическую роль и не является приоритетным, а на первое место в поддержании этничности выходит историческая память (*Черниченко* 2013; *Трофимчук* 2014).

Ряд ученых признает меняющуюся природу этнической идентичности и билингвизма. Причем роль последнего в формировании этнической идентичности не обязательно всегда рассматривается как основополагающий фактор или как фактор этнической идентичности, а применяется более универсальное понятие «культурного интеллекта», определяющее способность эффективно взаимодействовать с обществом, поскольку у человека, владеющего двумя языками, выше шанс обрести новую идентичность (*Солдатова* 2011).

Целью настоящей статьи является выявление роли «родного языка» в самосознании русско-украинских биэтноров в России, его соотнесение с русской или украинской компонентой в их идентичности.

Статья базируется на результатах полевых исследований, выполненных в рамках проекта РФФИ, посвященного изучению множественной русско-украинской идентичности в России и ее региональных особенностей, в 2020–2021 гг. Исследования проводились в пяти субъектах РФ с традиционно высокой численностью жителей украинского происхождения (Белгородская, Воронежская, Омская области, Алтайский и Приморский края). В 2020 г. было проведено 100 глубинных, структурированных интервью с русско-украинскими биэтнорами (качественное исследование), а в 2021 г. — анкетирование 800 таких респондентов (количественное исследование). Оба этапа исследований проводились в равном соотношении в местах компактного, традиционного проживания потомков украинских переселенцев (т. е. в тех районах, где биэтноры численно составляют основную группу жителей) и в местах их дисперсного проживания, в региональных столицах (т. е. там, где биэтноры составляют лишь некоторую долю в населении, как мы предполагаем от 5 до 20%)¹.

Результаты исследования: идентичность русско-украинских биэтноров и их лингвистические практики

Группа биэтнического русско-украинского населения России является неоднородной по своему происхождению, причинам появления двойной этничности и само-

¹ Соответственно: в Белгородской обл. — Краснояружский р-н и г. Белгород, в Воронежской обл. — Россошанский р-н и г. Воронеж, в Омской обл. — Павлоградский р-н и г. Омск, в Алтайском крае — Романовский р-н и г. Барнаул, в Приморском крае — Хорольский р-н и г. Владивосток.

сознанию. Так, в ходе анкетирования первым стал вопрос о формулировке, которая, по мнению самих опрошенных, лучше всего описывает их этническую принадлежность. В качестве вариантов ответа респондентам были предложены пять формулировок, которые нам чаще всего встречались в ходе проведения глубинных интервью годом ранее (Рис. 2).

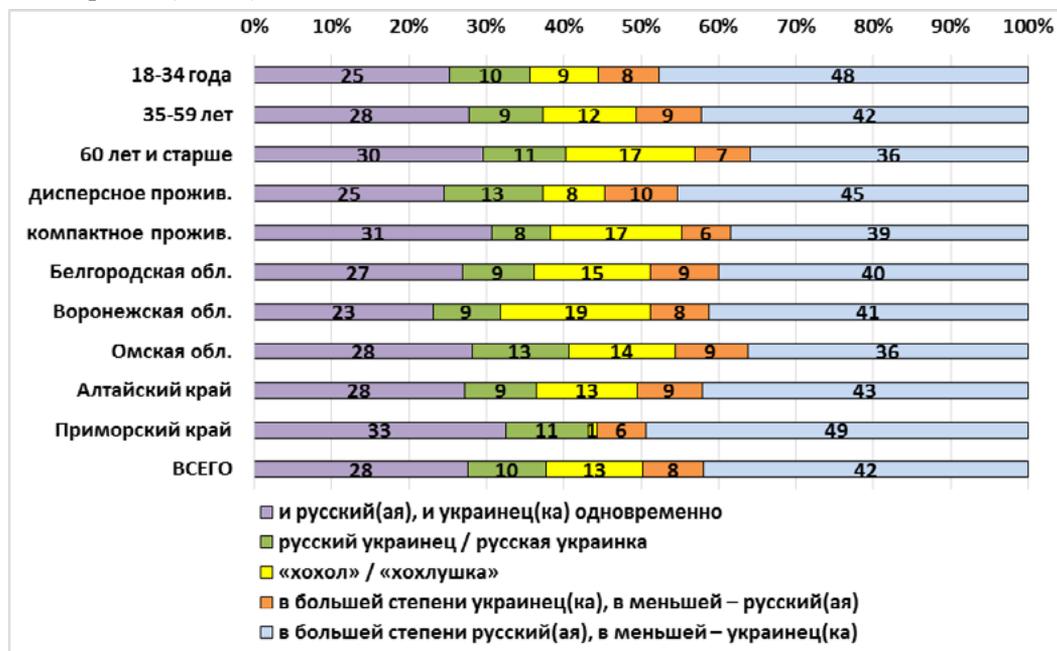

Рис. 2. Распределение ответов жителей России с русско-украинской этничностью на вопрос: «Выберете из нижеперечисленных вариантов ответа ту формулировку, которая лучше всего описывает Вашу национальную (этническую) принадлежность», в разных возрастных и территориальных подгруппах, % (опрос 2021 г.)

Наиболее распространенным вариантом, который выбрали 42% опрошенных биэтноров, стал — «в большей степени русский(ая), в меньшей — украинец(ка)». Чаще всего этот вариант выбирали более молодые респонденты, жители крупных городов, прежде всего на Дальнем Востоке и в Сибири (Рис. 2). Очевидно, что данная группа биэтноров в наибольшей степени подверглась ассимиляционным процессам, в том числе и в силу особенностей их территориального проживания (удаленность от Украины, проживание в городах, где возможности использования украинского языка или суржика практически сведены к нулю).

Однако, несмотря на превалирование русской части этничности у городских биэтноров и молодежи, украинская компонента идентичности, как ни странно, в среднем имеет для них даже большее значение, чем для жителей сельских районов традиционного проживания украинцев и старших поколений. Например, оценки, данные нашими респондентами, важности для них ощущения себя русскими и украинцами показывают, что хотя важность для них *русскости* превалирует во всех возрастных и территориальных подгруппах, но разрыв в значении *русскости* и *украинскости* минимален именно среди горожан и молодежи. По десятибалльной шкале важность ощущения себя русским получила среднюю оценку в 6,7 балла среди молодежи (в среднем возрасте — 7,4, в старшем — 7,2), а ощущение себя украинцами — среди молодежи 5,0

балла (средний возраст — 4,8, старший — 4,9); среди горожан *русскость* — 7,0 баллов, селян — 7,3, *украинскость* — 5,1 и 4,6 баллов, соответственно (Рис. 3).

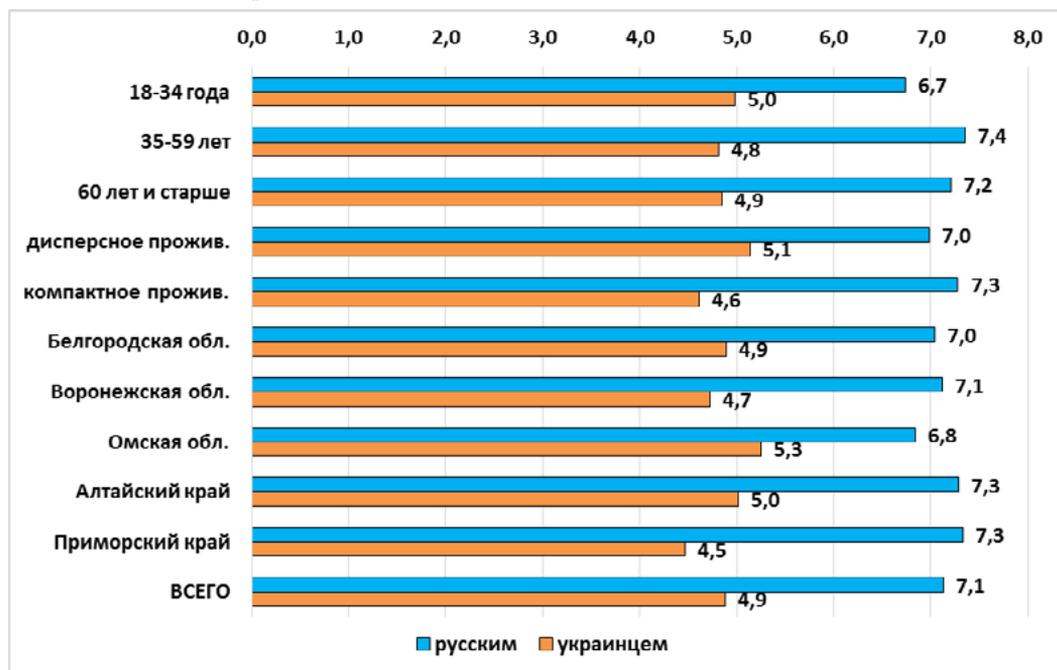

Рис. 3. Распределение ответов жителей России с двойной русско-украинской этничностью на вопросы: «По десятибалльной шкале оцените, насколько важно для Вас ощущение себя русским(ой)? / украинцем(кой)?», средний балл (опрос 2021 г.).

Эти данные свидетельствуют, что при прямом, лобовом вопросе о национальности биэтничная молодежь и горожане чаще отдают предпочтение русской компоненте своей идентичности, однако внутренняя, содержательная важность для них их *русскости* не так высока, как для более старших поколений и жителей сельской местности. По всей видимости горожане и молодежь больше подвержены рефлексии о своей этничности и значение для них *украинскости* даже немного выше, чем для жителей «бывших» украинских районов и биэтноров старшего возраста. Кроме того, украинская идентичность может «обостряться» в городской среде на контрасте с другими национальностями.

Второй по распространенности формулировкой определения своей этничности респонденты назвали — «и русский(ая), и украинец(ка) одновременно» — 28%. Несколько чаще его выбирали жители компактного расселения биэтноров, старшего возраста, в Сибири и на Дальнем Востоке (Рис. 2).

Третьим вариантом наилучшего описания своей этноидентичности респонденты назвали этноним «*хохол*» — 13%. Чаще его выбирали жители сельской местности, старшего возраста, в пограничных с Украиной регионах и, напротив, он практически не используется как самоназвание в Приморском крае. Необходимо подчеркнуть, что в данном случае речь идет именно о том, что 13% биэтноров на прямой вопрос о наиболее правильном термине для описания их национальности выбирают этноним «*хохол*», однако как мы уже упоминали выше, на уточняющий вопрос «*Считае-*

те ли Вы себя хохлом / хохлушкой?» 62% отвечает утвердительно¹. Другими словами, несмотря на то, что большинство русско-украинцев ассоциирует себя в той или иной степени с этнонимом «хохлы», большинство не использует его при описании своей национальности, т. к. не считает его достаточно легитимным:

«Хохол — нет такой национальности. Хохол — это как бы такое жаргонное название людей, которые разговаривают украинской мовою и могут хорошо говорить по-русски, то есть это вот такие смеси» (муж., 1989 г. р., Белгородская обл., Краснояружский р-н).

Также широко распространено мнение, что «хохлы» это что-то переходное между русскими и украинцами:

«Я не могу сказать, что я вот украинка исконная. Я, скорее всего, хохол, потому что я обрусевшая, я уже и русская и украинская — всё вместе» (жен., 1957 г. р., Приморский край, Хорольский р-н).

«Я считаю себя смесью какой-то украинской с русским, но вот это и называется хохлы» (жен., 1957 г. р., Алтайский край, г. Барнаул).

Вместе с этим, для некоторых биэтноров этноним «хохол» имеет и негативную, оскорбительную коннотацию. Так 8% заявили, что не идентифицируют себя с этим названием, поскольку оно оскорбительно, а 5% идентифицируют, но «это несколько обидное название»²:

«Умный человек так не скажет, я бы сказал, что это больше какая-то дразнилка или что-то такое вот» (муж., 2000 г. р., Воронежская обл., г. Воронеж).

Четвертым по распространенности вариантом описания своей этноидентичности респонденты назвали — «русский украинец» — 10%. Несколько чаще его выбирали жители крупных городов, люди старшего возраста и молодежь, в Сибири и на Дальнем Востоке. Пятым стала формулировка — «в большей степени украинец(ка), в меньшей — русский(ая)», которую выбрали 8% (чаще это жители городов, среднего возраста и молодежь).

Свою биэтничность, наличие у них русской и украинской частей идентичности, респонденты обосновывают по-разному. Подавляющее большинство (66%³) объяс-

¹ В районах компактного проживания биэтноров — 67%, в городах — 56%, среди молодежи — 57%, среднего возраста — 60%, старшего — 68%, в Белгородской обл. — 64%, в Воронежской обл. — 71%, в Омской обл. — 61%, в Алтайском крае — 66%, в Приморском — 47%.

² Чаще об оскорбительном значении этнонима «хохол» говорят респонденты-жители городов — 13 и 6% соответственно (в сельской местности — 4% и 5%); молодежь — 11% и 6% (средний возраст — 8% и 6%, старший 6% и 4%); жители Приморского края (12% и 4%), несколько реже — Белгородской обл. (9% и 6%), Омской обл. (8% и 6%), Алтайского края (7% и 4%), Воронежской обл. (6% и 7%).

³ Это число близко во всех возрастных и территориальных подгруппах биэтноров: в крупных городах русскую идентичность обосновывают страной проживания 67%, в сельской местности — 66%, среди молодежи — 68%, среднего возраста — 65%, старшего возраста — 66%.

няет свою русскую компоненту этничности страной проживания (гражданства), украинскую — происхождением (76%¹) (Рис. 4). То есть, по сути, у русско-украинских биэтноров их *русскость* соотносится с гражданской идентичностью, но сами они описывают ее в категории «национальность». Об этом пишет и Т. А. Листова: респондентами «подчеркивается соотнесенность собственной идентичности с этнонациональным идентификатором „русские“, что означает, скорее, гражданскую, а не собственно этническую принадлежность» (Листова 2014: 123). Украинская же этничность, как правило, обосновывается примордиалистской логикой — происхождением от украинцев.

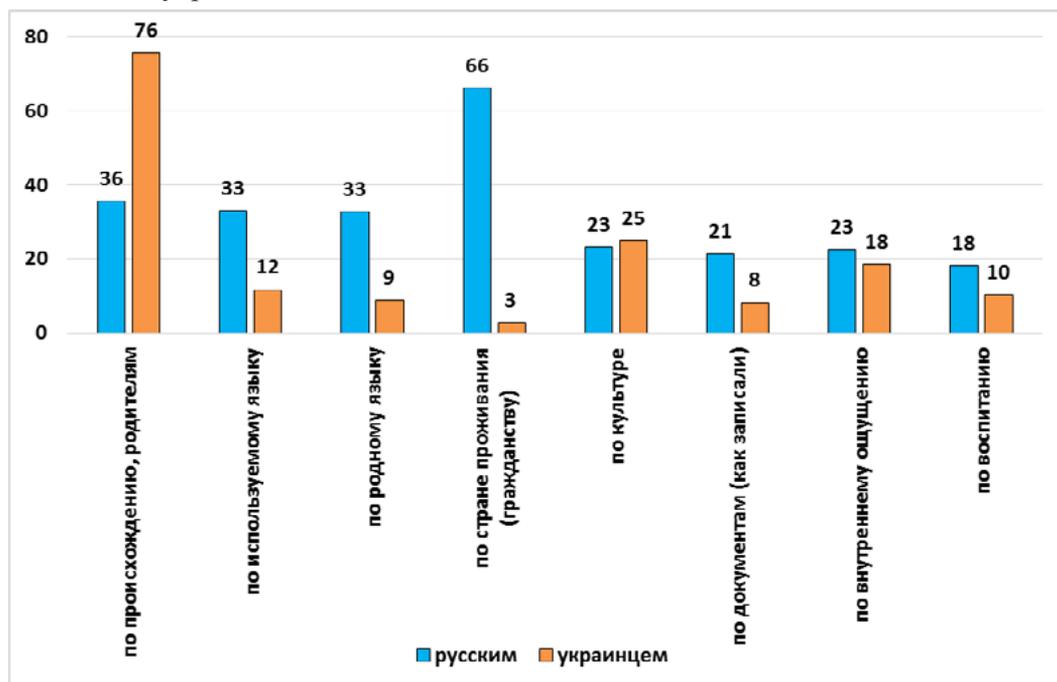

Рис. 4. Распределение ответов жителей России с двойной русско-украинской этничностью на вопросы: «По каким причинам Вы считаете себя русским(ой) / украинцем(кой)?», % (опрос 2021 г.)

Более редкими, но значимыми факторами обоснования *русскости* являются:

— происхождение, родители — 36% (чаще этот фактор называет молодежь — 48% и жители крупных городов — 38%, т. е. те подгруппы, в которых биэтничность чаще является следствием смешанных русско-украинских браков, а не ассимиляции «чистых» украинцев);

— используемый и родной язык — по 33% (чаще жители городов и молодежь);

— культура и внутреннее ощущение — по 23% (чаще жители городов и молодежь);

— запись национальности в документах — 21% (чаще жители сельской местности и молодежь).

Второстепенными, но встречающимися факторами обоснования *украинскости* являются:

— культура — 25% (несколько чаще называет молодежь и жители городов);

¹ Среди жителей крупных городов — 77%, в сельской местности — 75%, молодежь — 77%, средний и старший возраст — 75%.

- внутреннее ощущение — 18% (чаще жители городов и молодежь);
- используемый язык — 12% (жители сельской местности и молодежь);
- воспитание — 10% (чаще в городах и молодежь);
- родной язык — 9% (чаще в городах и старший возраст);
- запись национальности в документах — 8% (чаще в сельской местности и старший возраст).

Как видим лингвистические факторы — родной и используемый языки — примерно в три раза чаще являются обоснованием принадлежности к русской национальности, чем к украинской, что прежде всего объясняется массовым незнанием литературного украинского языка, из-за отсутствия его преподавания в школе даже в местах компактного проживания украинцев, как в советское время, так и сейчас:

«Украинский язык не знаю, письменности украинской тоже я не знаю. Хохляцкий язык — такого ж [официально] нету, хохол — нет такой нации. Мой родной язык русский же, наверное. Если бы хохляцкий был официальный, то я бы сказала [он родной]» (жен., 1958 г. р., Алтайский край, Романовский р-н).

В реальности суржик или «хохляцкий» язык (особенно в приграничных с Украиной российских регионах, где его чаще называют «хохлячий») сохраняет украинскую языковую основу, т. е. он ближе и в фонетике, и в лексическом наборе к украинскому языку, чем к русскому, а самое главное, он мало чем отличается от разговорного украинского языка, которым пользуется большинство украинцев в самой Украине. Другими словами, «незнание» украинского и «знание» русского носителями «хохляцкого» языка в России, во многом ими самими гиперболизировано, они часто считают, что «незнание» некоторых украинских слов и знание их аналогов в русском, делает их «хохляцкий» ближе к русскому.

«Хохлушка, украинка. Ну, к украинцам мы не относимся, потому что у нас говор совсем не такой. Балакаем як умием» (жен., 1940 г. р., Омская обл., Павлоградский р-н).

Интересные сведения приводит по этому вопросу и Т. А. Листова: «По мнению местных жителей, суржик как основной разговорный язык не только отличает их от украинцев в Украине, но и выводит из комплексного понятия „украинец“. „Ну какие украинцы, если даже языка своего не знаем?! Мы же не все понимаем“ (ПМА 1, Богачева). По этому поводу можно привести образное замечание пожилой жительницы с. Лизинька, сказавшей, что именно невладение настоящим украинским языком мешает ей относить себя к настоящим украинцам, а не только к хохлам. И на вопрос, чем же еще отличаются настоящие украинцы заметила: „А настоящих я николи не бачила. А пишемся мы украинцами“ (Листова 2014: 129). Как видим, в восприятии таких респондентов есть некие «настоящие» украинцы, принадлежать полностью к которым им мешает «незнание» украинского языка.

При этом, «хохляцкий» язык будет мало понятен среднестатистическому русскому и абсолютно понятен украинцу. Приведем еще одно интересное наблюдение: слова, которые появились в «хохляцком» языке по историческим меркам недавно, на протяжении жизни нескольких последних поколений, произносятся ими на сур-

жике часто именно в украинской, а не в русской фонетике (*шампаньске*, а не *шампанское* и т. д.). То есть, даже после «отрыва» украинского населения России от «материнского этноса» новая лексика нередко заимствована им именно из украинского, а не из русского языка (по крайней мере в приграничных с Украиной регионах).

«У москалей акцент совсем другой. Москали — их чуешь по разговору, а це шо с Украины люди ж наши балакають. А москали их чуешь сразу — говор у них другой» (жен., 1958 г. р., Воронежская обл., Россошанский р-н).

[На вопрос: Язык в Ивано-Франковской обл. и здешний «хохлячий» сильно отличаются?] *«Я из Прикарпаття, а там же гуцулы. Я гуцулка. Ну украинский там, ну як тоди, оно все якось однаково було, и разницы тоди не було ... Ну они похожи, як дома [в Ивано-Франковской обл.] балакаю, так и тут балакаю ... Ну похожий язык, багато ... Лестница у нас в Ивано-Франковской области — дробына. И тут дробына кажуть. Однако якось, мало ризнились»* (жен., 1960 г. р., Воронежская обл., Россошанский р-н).

Таким образом, различия официального украинского языка и «хохляцкого» сами «хохлами» сильно преувеличены, хотя безусловно налицо быстрая русификация последнего в связи с полным отсутствием преподавания в школе и какого-либо институционального использования украинского языка в местах компактного проживания украинцев в России.

Рассмотрим теперь более детально лингвистические характеристики биэтноров по данным количественного исследования. Для их выявления и выстраивания динамики изменения лингвистических практик, мы задали респондентам несколько

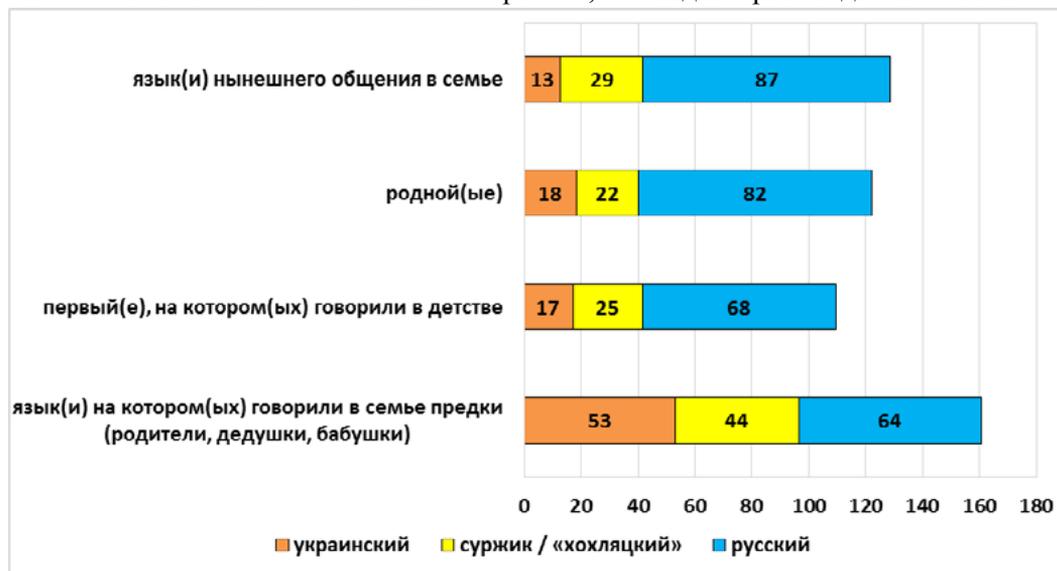

Рис. 5. Распределение ответов жителей России с двойной русско-украинской этничностью на вопросы: «На каком языке или нескольких языках говорили в семье Ваши предки (родители, дедушки, бабушки и т. д.)?»; «Какой язык у Вас был первым, на котором Вы говорили в детстве?»; «Какой язык (или несколько языков) Вы считаете своим родным языком?»; «На каком языке или нескольких языках обычно (в основном) разговаривают в Вашей семье?», % (опрос 2021 г.)

вопросов: о языках на которых разговаривали дома их предки, о первом языке, о родном языке и о языке, на котором они сейчас общаются в семье. Респонденты не были ограничены количеством указываемых ответов, т. е. в каждом из вопросов они могли назвать несколько языков.

Среди языков, на которых в семье говорили предки, респонденты назвали: русский — 64%, украинский — 53% и «хохлацкий» — 44%¹ (Рис. 5). То есть, большинство биэтноров (61%) назвали несколько языков предков, что объясняется прежде всего их смешанным этническим происхождением (наличием и русских, и украинских предков).

Среди разных поколений биэтноров доля выбравших те или иные языки различна. Так, представители старшего поколения чаще в качестве языка предков называют: украинский — 52%, русский — 51%, «хохлацкий» — 45%; а молодежь: русский — 75%, украинский — 56%, «хохлацкий» — 41%. То есть, молодежь значительно чаще языком предков называет русский язык, немного чаще украинский и реже суржик. Это свидетельствует о двух фактах. Во-первых, о нарастающем уровне русификации в каждом новом поколении биэтноров, а во-вторых, меньшем использовании молодежью термина «хохлацкий» язык.

Интересно сравнение данных опроса по таким позициям как «первый язык» и «родной язык». У большинства биэтноров первым языком (языком детства) был один язык (только 10% назвали первыми несколько языков): 68% — русский, 25% — «хохлацкий» и 17% — украинский². Но родными языками респонденты чаще склонны называть несколько языков (22%) и прежде всего это русский язык — 82%, что на 14 процентных пункта выше, чем первый язык. Суржик респонденты, напротив, немного реже называют родным, чем первым языком (22% и 25% соответственно), украинский называют и родным, и первым практически равное число опрошенных (18% и 17%). То есть, в качестве родных респонденты склонны чаще выбирать те языки, которые они считают официальными (русский и украинский), в отличие от «нелегитимного» суржика. Также понятие «родной язык» часто воспринимается, как язык основного общения, даже если первым языком был украинский или «хохлацкий». Большинство суржик воспринимается не как отдельный язык, а как неправильный украинский или смешанный русско-украинский, и не редко считается языком села:

«Когда я приехала в Белгород, то первым долгом у меня в голове — я сама себе такое давала задание, — говорить только по-русски и ни в коем разе не выдавать то, что я хохлушка, из деревни. В общем, старалась вот это все в себе скрыть свое, а перенимала все русское. Получалось так, что окружающая среда как-то не диктовала, но оно получалось так, что лучше быть русским — раз я приехала в город, то надо быть русской» (жен., 1948 г. р., Белгородская обл., г. Белгород).

¹ В городах распределение следующее: русский — 72%, украинский — 64%, «хохлацкий» — 31%; в сельской местности: «хохлацкий» — 57%, русский — 56%, украинский — 43%.

² Поколенческие различия среди биэтноров в этом вопросе очень велики, если среди молодежи русский назвали языком детства 82% опрошенных, в среднем поколении 72%, то среди старшего — только 49%; соответственно, украинский назвали первым 11%, 16% и 24%; «хохлацкий» — 13%, 26% и 34%. В городах первым языком был: у 76% — русский, 19% — украинский, 14% — «хохлацкий»; в селах: 59% — русский, 36% «хохлацкий», 15% — украинский.

«Родной язык русский. Культура речи у меня не стоит на первом плане, но как-то в разговоре хочется проявить образованность» (муж., 1995 г. р., Омская обл., Павлоградский р-н).

«Когда начали выезжать в города, причём это очень недавно произошло, это буквально 1960-е годы, и очень сильная пошла ассимиляция. А тут ещё многие приезжали, и, как бы пообщавшись в городе, начинали коверкать слова. И ещё было модно, что я теперь городской, и они специально говорили на русском. Причём, когда встречаются там одноклассники моих родителей, но им то уже по 70 лет, ... они между собой общаются на хохлячем. Но иногда, когда они начинают рассказывать про жизнь в городе, они начинают говорить на русском. То есть странный парадокс, ну вроде может показать как свой статус, вот я там был директором завода, они по-русски говорят, и тут же он может крикнуть, там: «Девысь, корова кудысь побигла твоя, лизэ в горóд!»» (жен., 1977 г. р., Воронежская обл., г. Воронеж).

«Просто когда общаешься, то думаешь: „Ой, как правильно?“. Чтобы лишний раз [не говорить], ну считай куда едешь, вот в городе, Белгороде, например, даже. Там русские, хотя нас все ж понимают и в основном же все с деревни. А все равно стыдно вот так когда-то бывает [надо] разговаривать, но не хочется лишний раз, чтобы наши слова там просакивали. Бывает, что отношения такое к нам, что мы из села, деревня, дерёвня — так на нас говорят» (жен., 1971 г. р., Воронежская обл., Россошанский р-н).

Несмотря на наличие безусловного тренда в повышении роли и использования русского языка (язык предков у 64%, первый язык у 68%, родной у 82%) и тенденцию к понижению роли украинского языка и суржика (совокупно соответственно: 97%, 42% и 40%) среди биэтноров в качестве нынешнего языка семьи суржик и реже украинский язык продолжают использоваться частью опрошенных (29% и 13% соответственно¹) (Рис. 5). То есть, говорить о «смерти» суржика и украинского языка в местах компактного проживания потомков украинцев в России пока рано, хотя, как констатирует Т. А. Листова, «сопоставление воспоминаний жителей разного возраста и их оценка современной языковой ситуации показывает постепенную, но неуклонную русификацию местного наречия» (Листова 2014: 125). Многие жители мест компактного проживания украинцев вообще сознательно отказываются от языка предков даже в семейном общении:

«Дома тогда разговаривали все на украинском, у нас вот бабушка с нами жила, и она тоже говорила вот, а я её поправляла, говорю: „Вы не правильно говорите, нужно сказать по-русски“. Она: „Ну я не могу, вот ну я так привыкла“. Я говорю: „Понимаю, но у меня ребенок в школу пойдет, и он там скажет вот это вот

¹ В городах нынешними языками семьи называют: русский — 96%, украинский и «хохляцкий» — по 15%; в селах: русский — 78%, «хохляцкий» — 43%, украинский — 11%. Распределение по поколениям биэтноров следующее: молодежь — русский — 92%, «хохляцкий» — 24%, украинский — 12%; среднее поколение — русский — 88%, «хохляцкий» — 29%, украинский — 14%; старшее поколение — русский — 81%, «хохляцкий» — 34%, украинский — 12%.

по-украински! Что я потом буду делать?» (жен., 1990 г. р., Белгородская обл., Краснояружский р-н).

«Детей сейчас, например, вот мы ходили в школу, вот наши дети, мы разговаривали и дети наши — ну хохлы. А сейчас вот рождаются дети и тут в селе и везде тут стараются с рождения только по-русски [говорить]. Вот моя внучка тоже только по-русски. Учат детей только по-русски. В школе детей только по-русски. [На вопрос: Вам не обидно, что язык может исчезнуть?] Нет, мне не обидно, что язык может уйти. Я считаю, что это правильно, потому что моя внучка сейчас поедет опять же в город учиться или жить, и она будет тоже прислушиваться к своей речи, чтобы правильный русский язык [был]. Хотя она тоже нас понимает. Но стараемся только по-русски» (жен., 1971 г. р., Воронежская обл., Россошанский р-н).

«Уже как бы такого [„хохляцкого“] языка уже нигде нету, пока доживаем — так все остается. [На вопрос: На каком языке разговариваете с внуками?] По-русски. И с детьми так, вот с дочерью. Приедет так, с внуками по-русски, чтобы они поняли, по-хохляцки они не поймут, то есть по-украински» (жен., 1940 г. р. Омская область, Павлодарский р-н).

Подтверждают эти мнения и количественное распределение сведений о родном/родных языках биэтноров в возрастных и территориальных подгруппах (рис. 6). Украинский язык и суржик совокупно называют родным 53% опрошенных в возрастной группе старше 60 лет (русский язык 75%), а среди молодежи только 26% (русский — 88%). В местах компактного проживания биэтноров суржик и украинский называют родным совокупно 47% опрошенных (русский — 77%), в местах дисперсного проживания (крупных городах) — 34% респондентов (русский язык — 87%).

Среди регионов, в которых проводился опрос, наибольшая доля назвавших родным «хохляцкий» и/или украинский языки зафиксирована в приграничных с Украиной регионах: в Воронежской обл. — 49% (русский — 74%), в Белгородской обл. — 45% (русский — 81%), а также в Омской обл. — 46% (русский — 78%) — (Рис. 6).

Рассмотрим теперь взаимозависимости между выбором родного языка и той формулировкой этноидентичности, которую выбирают русско-украинские жители в качестве наиболее для себя оптимальной. Во-первых, необходимо отметить, что наиболее полилингвальной группой биэтноров являются те, кто идентифицирует себя с этнонимом «хохлы» — 38% из них назвали родными несколько языков. Далее в порядке убывания: «русский украинец» — 30%, «в большей степени украинец(ка), в меньшей — русский(ая)» — 29%, «и русский(ая), и украинец(ка) одновременно» — 25%, «в большей степени русский(ая), в меньшей — украинец(ка)» — 12% (Рис. 7).

Во-вторых, мы наблюдаем безусловную зависимость у большинства биэтноров выбора формулировки описания их идентичности и родного языка. Так, в подгруппе биэтноров, которая считает себя в большей степени русскими, чем украинцами — 96% назвали родным русский язык и лишь 9% — суржик и 7% — украинский. В «зеркальной» группе, считающих себя в большей степени украинцами, чем русскими, украинский язык назвали родным 51%, суржик — 16%, русский язык — 62%,

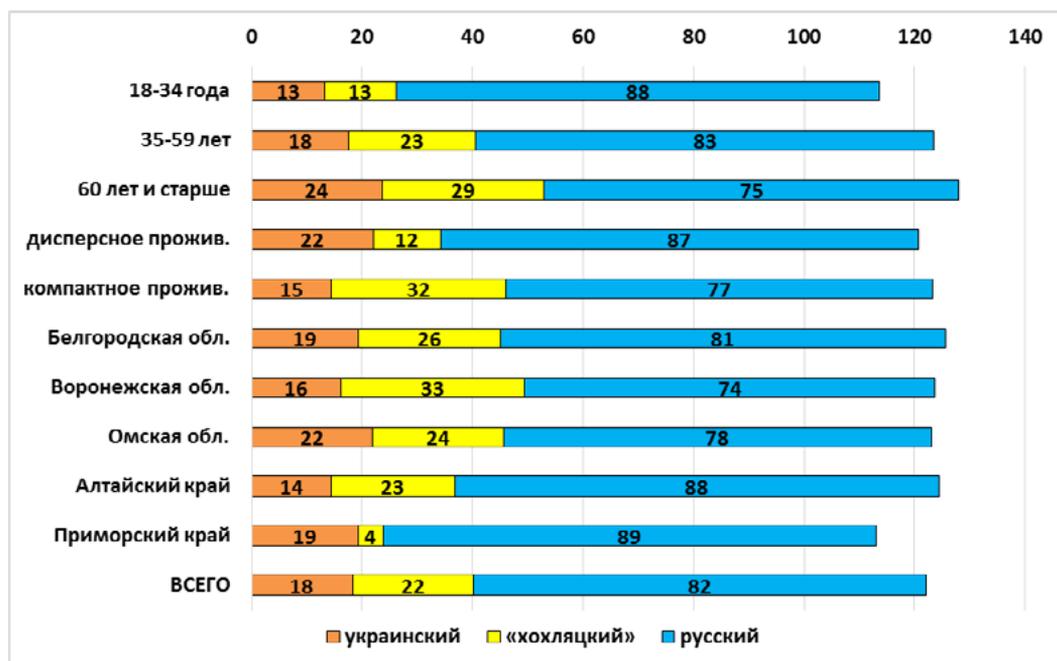

Рис. 6. Распределение ответов жителей России с двойной русско-украинской этничностью на вопрос: «Какой язык (или несколько языков) Вы считаете своим родным языком?» в разных возрастных и территориальных подгруппах, % (опрос 2021 г.).

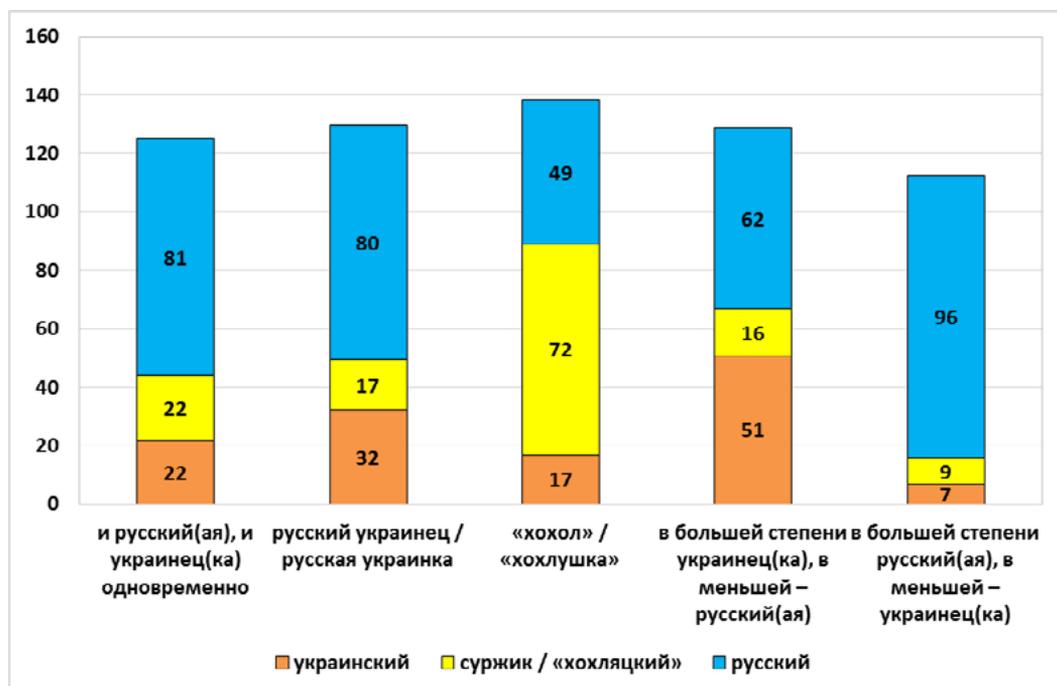

Рис. 7. Распределение выбора родного(ых) языков и формулировки, описывающей этноидентичность русско-украинского населения России, % (опрос 2021 г.).

т. е. несмотря на то, что русский также называет большинство опрошенных родным, но их меньше, чем совокупно выбирающих украинский язык и суржик (67%).

В целом русский язык является наиболее часто выбираемым родным языком во всех идентичностных подгруппах биэтноров, кроме «хохлов» (среди которых лидирует «хохляцкий» язык — 72%, а русский занимает вторую позицию — 49%) (Рис. 7).

Выводы

Результаты полевых исследований, проведенных среди биэтничного русско-украинского населения в российских регионах их традиционного проживания в 2020–2021 гг. свидетельствуют:

1. У большинства биэтноров значение их русской части идентичности выше, чем украинской, об этом свидетельствуют, как выбор оптимальной формулировки описания идентичности (в большей степени русский, в меньшей украинец — 42%) так и числовая оценка важности для них *русскости* и *украинскости* (средний балл соответственно 7,1 и 4,9). В территориальных и демографических подгруппах биэтноров ситуация неоднозначная: в крупных городах и среди молодежи выше доля, называющих себя «в большей степени русскими, в меньшей — украинцами», но и выше значение своей *украинскости*. Этот, на первый взгляд парадоксальный факт, мы интерпретируем большей рефлексивностью о своей идентичности в городах как таковой, а также тем, что в городах биэтноры чаще имеют смешанное русско-украинское происхождение, чем в местах компактного проживания украинцев, где появление русской идентичности чаще следствие развития ассимиляционных процессов среди только украинского по происхождению населения. Другими словами, среди жителей крупных городов и молодежи их биэтничность, прежде всего, объясняется смешанным происхождением.

2. Наличие русской и украинской компоненты идентичности биэтноры объясняют по-разному: русскую — они обосновывают прежде всего страной проживания (66%), в меньшей степени происхождением (36%), родным и используемым языком (33%). Украинская этничность обосновывается главным образом происхождением (наличием украинских предков — 76%), и намного реже особенностями культуры (25%), внутренним ощущением (18%). Язык (родной или используемый) большинством не называется в качестве фактора обоснования своей этничности: их назвали в качестве причины принадлежности к русским 33% респондентов, и к украинцам 12% и 9%, соответственно. Хотя при проведении интервью язык или языковые особенности назывались как важные факторы обоснования своей украинской («хохляцкой») части этничности особенно среди жителей сельской местности и выходцев из украинских сел в городах. Для жителей «бывших» украинских районов и выходцев из них и Украины в крупных городах украинский язык или суржик («хохляцкий») — главный признак, отличающий их от «чисто» русских. Низкая доля, выбирающих украинский язык в качестве фактора, обосновывающего принадлежность к украинцам по данным массового опроса даже в местах компактного проживания биэтноров, объясняется широко распространенным представлением, что их разговорный «хохляцкий» язык якобы сильно отличается от литературного украинского, которого они в большинстве своем не знают, что в значительной степени гиперболи-

зировано. Это «незнание» правильного украинского языка в самосознании биэтно-ров мешает им в полной степени причислять себя к украинцам, из-за чего они более охотно пользуются этнонимом «хохлы». Такая ситуация обусловлена тем, что много поколений украинцев не изучали родной язык в школе, а карьера и социальный прогресс были возможны только при переходе на русский язык.

3. Распределение ответов на вопросы о языке предков, первом, родном и используемом языках, а также распределение ответов на лингвистические вопросы по поколениям показывают быструю русификацию биэтно-ров. Наблюдаются взаимозависимости между выбором родного языка и формулировкой описания этничности: доля выбирающих русский язык в качестве родного максимальна среди тех, кто считает себя «*в большей степени русским, в меньшей украинцем*» и наоборот. То же относится и к подгруппе биэтно-ров, называющих себя «хохлами» (среди них самый распространенный родной язык «хохлацкий»). Следовательно, язык — важный, но не единственный фактор сохранения этнической идентичности, особенно ее украинской компоненты. Многие биэтно-ровы, даже полностью перешедшие на русский язык и не знающие украинского, сохраняют и свою украинскую этничность порой даже лучше, чем жители, еще использующие суржик (особенно характерна эта ситуация для жителей городов и представителей более младших поколений).

Источники и материалы

- ВПН 2010 — Всероссийская перепись населения 2010 г. Национальный состав и владения языками, гражданство. Т. 4. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 01.12.2021).
- ВПН 1937 — Всесоюзная перепись населения 1937 года: общие итоги. Сборник документов и материалов. Москва, 2007. 320 с.
- Демоскоп Weekly — Демоскоп Weekly. Переписи населения Российской Империи, СССР, 15 новых независимых государств. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php> (дата обращения 15.05.2022).
- ПМА 2020, жен., 1940 г. р. Омская область, Павлодарский район, местная уроженка.
- ПМА 2020, жен., 1948 г. р., Белгородская область, г. Белгород, переехала из Ольховатского района Воронежской области в советское время.
- ПМА 2020, жен., 1957 г. р., Алтайский край, г. Барнаул, родилась в Родинском районе Алтайского края.
- ПМА 2020, жен., 1957 г. р., Приморский край, Хорольский район, родилась в Ивано-Франковской области Украины, переехала в советское время.
- ПМА 2020, жен., 1958 г. р., Алтайский край, Романовский район, местная уроженка.
- ПМА 2020, жен., 1958 г. р., Воронежская область, Россошанский район, местная уроженка.
- ПМА 2020, жен., 1960 г. р., Воронежская область, Россошанский район, уроженка Ивано-Франковской области Украины, приехала в советское время.
- ПМА 2020, жен., 1971 г. р., Воронежская область, Россошанский район, местная уроженка.
- ПМА 2020, жен., 1977 г. р., Воронежская область, г. Воронеж, местная уроженка.
- ПМА 2020, жен., 1990 г. р., Белгородская область, Краснояружский район, местная уроженка.
- ПМА 2020, муж., 1989 г. р., Белгородская область, Краснояружский район, местный уроженец.
- ПМА 2020, муж., 1995 г. р., Омская область, Павлоградский район, местный уроженец.
- ПМА 2020, муж., 2000 г. р., Воронежская область, г. Воронеж, родился в Луганской области Украины, переехал в 2010-е гг.
- Росстат 2015 — Росстат. Микрореперись населения 2015. URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/micro-perepis/finish/micro-perepis.html (дата обращения 15.05.2022).

Научная литература

- Бабута М. Н.* Формирование и современное состояние украинской диаспоры: конец XIX — начало XXI вв. Автореф. дисс. канд. истор. наук. Томск, 2008. 26 с.
- Блохинская А. В.* Русско-украинское взаимодействие в русских говорах Приамурья: на материале речи жителей Октябрьского района Амурской области. Автореф. дисс. канд. фил. наук. Томск, 2015. 21 с.
- Богоявленский Д. Д.* Этнический состав населения и владение языками // Этническое и религиозное многообразие России / под ред. В. А. Тишкова, В. В. Степанова. Москва: ИЭА РАН, 2018. С. 22–61.
- Бубликов В. В.* Особенности идентичности русско-украинского населения приграничных территорий России // Этнографическое обозрение, 2019. № 6. С. 138–157. <https://doi.org/10.31857/S086954150007772-9>
- Высоцкий В. В.* Историческая, социально-экономическая и этнокультурная ассимиляция украинского населения Воронежской губернии: начало XIX в. — первая четверть XX в. Дисс. канд. истор. наук. Воронеж, 2012. 189 с.
- Грибанова Н. С., Чернова И. В., Люля Н. В., Свидовская А. С.* Семья и семейный быт украинского сельского населения Западной Сибири в конце XIX–XX веке. Барнаул: АлтГПУ, 2017. 306 с.
- Дроздов К. С.* Политика украинизации в Центральном Черноземье, 1923–1933 гг. Москва: Институт российской истории РАН: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 487 с.
- Евсеева Л. Н.* Роль языка в формировании этнической идентичности. Автореф. дисс. канд. фил. наук. Архангельск: Поморский государственный университет, 2009. 21 с.
- Завьялов А. В.* Социальная адаптация украинских иммигрантов. Иркутск: Издательство ИГУ, 2017. 179 с.
- Кабузан В. М.* Украинцы в мире: динамика численности и расселения, 20-е годы XVIII века — 1989 год: формирование этнических и политических границ украинского этноса. Москва: Наука, 2006. 657 с.
- Карелина Л. Ф.* Специфика языковой деятельности украинской диаспоры в полиэтничном окружении в аспекте социолингвистической контактологии: на материале Тюменской области. Автореф. дисс. канд. фил. наук. Великий Новгород, 2006. 22 с.
- Крамарчук Т. Д.* Украинская диаспора Республики Башкортостан: история формирования и особенности существования в иноэтнической среде. Автореф. дисс. канд. истор. наук. Донецк, 2000. 21 с.
- Курске В. С.* Множественная этническая идентичность: теоретические подходы и методология исследования (на примере российских немцев). Автореф. дисс. канд. социол. наук. Москва, 2011. 27 с.
- Листова Т. А.* Воронежские украинцы — русские хохлы // Вестник антропологии, 2014. № 2 (28). С. 116–139.
- Мартынова М. Ю.* Введение. Языковое многообразие России в аспекте федеральной политики и региональных инициатив // Язык и идентичность: антропологическое исследование ситуации в России / отв. ред. М. Ю. Мартынова. Москва: ИЭА РАН, 2021. С. 8–16.
- Молощенков А. Н.* Переселение украинцев на Южный Урал и проблемы их этнокультурного развития. Автореф. дисс. канд. истор. наук. Москва, 2010. 19 с.
- Морзавченков Г. А.* Язык как фактор этнокультурной идентичности. Дисс. канд. фил. наук. Нижний Новгород, 2015. 162 с.
- Октябрьская И. В., Крикау Л. В., Антропов Е. В.* «Мы украинцы, хотя пишемся русские...»: этнические процессы в среде украинцев степной зоны Западной Сибири XX — начала XXI века // Проблемы истории, филологии, культуры, 2015. № 4. С. 221–227.
- Рябиченко Т. А., Лебедева Н. М., Плотка И. Д.* Множественные идентичности, аккультурация и адаптация русских в Латвии и Грузии // Культурно-историческая психология, 2019. Т. 15. № 2. С. 54–64. <https://doi.org/10.17759/chp.2019150206>

- Свидовская А. С. Языковая ситуация среди населения с бизтничной русско-украинской идентичностью на юге Западной Сибири // Общество: социология, психология, педагогика, 2020. № 12 (80). С. 123–128. <https://doi.org/10.24158/spp.2020.12.23>
- Солдатова Г., Тетерина М. Многоязычие как фактор формирования новой идентичности и культурного интеллекта // Образовательная политика, 2011. № 2(52). С. 58–71.
- Степанов В. В. Этнокультурное многообразие России и возможности статистических измерений // Этническое и религиозное многообразие России / под ред. В. А. Тишкова, В. В. Степанова. Москва: ИЭА РАН, 2018. С. 62–89.
- Темиргалеев Р. Украинцы Приморского края в 1897–2010 гг. в демографическом разрезе от ядра «зеленого клина» до ассимиляции // Демографическое обозрение, 2017. Т. 4. № 4. С. 150–169.
- Тишков В. А. Демографические «голодоморы» // Родина, 2007. № 7. С. 84–89.
- Тишков В. А. Обновление категорий и практик // Язык и идентичность: антропологическое исследование ситуации в России / отв. ред. М. Ю. Мартынова. Москва: ИЭА РАН, 2021. С. 18–34.
- Тишков В. А., Кисриев Э. Ф. Множественные идентичности между теорией и политикой (пример Дагестана) // Этнографическое обозрение, 2007. № 5. С. 96–115.
- Трофимчук А. Ю. Языковой сдвиг и этническая самоидентификация (на материале русско-украинских говоров Омской области) // Встреча культур в пространстве Сибири: научные исследования, мемуаристика, художественная критика / под ред. Н. К. Козловой, Т. И. Подкорытовой. Омск: Полиграфист, 2014. С. 180–184.
- Фурсова Е. Ф. Проблемы этнокультурной идентичности украинского населения Западной Сибири (в начале XX и начале XXI века) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий, 2019. Т. 25. С. 748–753. <https://doi.org/10.17746/2658-6193.2019.25.748-753>
- Черниченко Д. А. Этноязыковые процессы в среде украинского населения Приуралья // Вестник Удмуртского университета. История и филология, 2013. Вып. 3. С. 99–104.
- Чижикова Л. Н. Русско-украинское пограничье. Москва: Наука, 1988. 256 с.
- Штейн Е. Э. Формирование этнической самоидентификации у потомков русско-еврейских браков в современной России. Автореф. дисс. докт. истор. наук. Москва, 2005. 50 с.

References

- Babuta, M. N. 2008. *Formirovanie i sovremennoe sostoianie ukrainskoi diaspory: konets XIX — nachalo XXI veka* [Formation and current state of the Ukrainian diaspora: late XIX — early XXI cc.]. PhD diss. abstract, Tomskii gosudarstvennyi universitet.
- Blokhinskaia, A. V. 2015. *Russko-ukrainskoe vzaimodeistvie v russkikh govorakh Priamur'ia: na materiale rechi zhitelei Oktiabr'skogo raiona Amurskoi oblasti* [Russian-Ukrainian Interaction in Russian Accents of the Amur Region: Speech of the Residents of the Oktyabrsky District of the Amur Region]. PhD diss. abstract, Tomskii gosudarstvennyi universitet.
- Bogoiavlenskii, D. D. 2018. *Etnicheskii sostav naseleniia i vladenie yazykami* [Ethnic Composition of the Population and Language Proficiency] In *Etnicheskoe i religioznoe mnogoobrazie Rossii* [Ethnic and Religious Diversity of Russia], edited by V. A. Tishkov and V. V. Stepanov, 22–61. Moscow: IEA RAN.
- Bublikov, V. V. 2019. *Osobennosti identichnosti russko-ukrainskogo naseleniia prigranichnykh territorii Rossii* [Peculiarities of the identity of the Russian-Ukrainian population in the border territories of Russia]. *Etnograficheskoe obozrenie* 6: 138–157. <https://doi.org/10.31857/S086954150007772-9>
- Chernichenko, D. A. 2013. *Etnoiazykovye protsessy v srede ukrainskogo naseleniia Priural'ia* [Ethno-linguistic processes among the Ukrainian population of the Urals region]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Istorii i filologii* 3: 99–104.

- Chizhikova, L. N. 1988. *Russko-ukrainskoe pogranich'e* [Russian-Ukrainian border]. Moscow: Nauka.
- Drozdov, K. S. 2016. *Politika ukrainizatsii v Tsentral'nom Chernozem'e, 1923–1933 g.* [Ukrainization policy in the Central Chernozem region, 1923–1933]. Moscow: Institut rossiiskoi istorii RAN: Tsentr gumanitarnykh initsiativ.
- Evseeva, L. N. 2009. *Rol' iazyka v formirovanii etnicheskoi identichnosti* [The Role of Language in the Formation of Ethnic Identity]. PhD diss. Abstract. Arhangel'sk: Pomorskii gosudarstvennyi universitet.
- Fursova, E. F. 2019. Problemy etnokul'turnoi identichnosti ukrainskogo naseleniia Zapadnoi Sibiri (v nachale XX i nachale XXI veka) [Problems of Ethnocultural Identity of the Ukrainian Population of Western Siberia (Early 20th and Early 21st Centuries)]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopedel'nykh territorii* 25: 748–753. <https://doi.org/10.17746/2658-6193.2019.25.748-753>
- Gribanova, N. S., I. V. Chernova, N. V. Liulia, and A. S. Svidovskaia. 2017. *Sem'ia i semeinyi byt ukrainskogo sel'skogo naseleniia Zapadnoi Sibiri v kontse XIX–XX veke* [Family and family life of the Ukrainian rural population of Western Siberia in the late XIX–XX century]. Barnaul: Altajskij Gosudarstvenij Pedagogicheskij Universitet.
- Kabuzan, V. M. 2006. *Ukraintsy v mire: dinamika chislennosti i rasseleniia, 20-e gody XVIII veka — 1989 god: formirovanie etnicheskikh i politicheskikh granits ukrainskogo etnosa* [Ukrainians in the world: population and settlement dynamics, 20s of the 18th century — 1989: formation of ethnic and political boundaries of the Ukrainian ethnos]. Moscow: Nauka.
- Karelina, L. F. 2006. *Spetsifika iazykovoï deiatel'nosti ukrainskoi diaspory v polietnichnom okruzenii v aspekte sotsiolingvisticheckoi kontaktologii: na materiale Tiumenskoï oblasti* [Specifics of the linguistic activities of the Ukrainian diaspora in a multi-ethnic environment in the aspect of sociolinguistic contactology: in the Tyumen region]. PhD dissertation abstract. Novgorod: Novgorodskii gosudarstvennyi universitet.
- Kramarchuk, T. D. 2000. *Ukrainskaia diaspora Respubliki Bashkortostan: istoriia formirovaniia i osobennosti sushchestvovaniia v inoetnicheskoi srede* [The Ukrainian Diaspora in the Republic of Bashkortostan: History of Formation and Peculiarities of Existence in a Different Ethnic Environment]. PhD dissertation abstract. Donetsk.
- Kurske, V. S. 2011. *Mnozhestvennaia etnicheskaiia identichnost': teoreticheskie podkhody i metodologiia issledovaniia (na primere rossiiskikh nemtsev)* [Multiple Ethnic Identities: Theoretical Approaches and Research Methodology (Case Study of Russian Germans)]. PhD dissertation abstract, Moscow State Institute of International Relations.
- Listova, T. A. 2014. Voronezhskie ukraintsy — russkie khokhly [Voronezh Ukrainians — Russian Khokhlys]. *Vestnik antropologii* 2(28): 116–139.
- Martynova, M. Yu. 2021. Vvedenie. Yazykovoie mnogoobrazie Rossii v aspekte federal'noi politiki i regional'nykh initsiativ [Introduction. Russia's Linguistic Diversity in the Aspect of Federal Policy and Regional Initiatives]. In *Yazyk i identichnost': antropologicheskoe issledovanie situatsii v Rossiie* [Language and Identity: An Anthropological Study of the Situation in Russia], edited by M. Yu. Martynova, 8–16. Moscow: IEA RAN.
- Moloshchenkov, A. N. 2010. *Pereselenie ukraintsev na Iuzhnyi Ural i problemy ikh etnokul'turnogo razvitiia* [Resettlement of Ukrainians in the Southern Urals and problems of their ethnocultural development]. PhD diss. Abstract. Moscow: Russian State University of Tourism and Service.
- Morzavchenkov, G. A. 2015. Yazyk kak faktor etnokul'turnoi identichnosti [Language as a factor of ethno-cultural identity]. PhD dissertation. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Pedagogical University.
- Oktiabr'skaia, I. V., L. V. Krikau, and E. V. Antropov. 2015. “My ukraintsy, khotia pishemsia russkie...”: etnicheskie protsessy v srede ukraintsev stepnoi zony Zapadnoi Sibiri XX — nachala XXI veka [“We are Ukrainians, although spelled Russian...”: ethnic processes among

- Ukrainians in the steppe zone of Western Siberia in the 20th and early 21st centuries]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* 4: 221–227.
- Riabichenko, T. A., N. M. Leedeva, and I. D. Plotka, 2019. Mnozhestvennye identichnosti, akkul'turatsiia i adaptatsiia russkikh v Latvii i Gruzii [Multiple Identities, Acculturation, and Adaptation of Russians in Latvia and Georgia]. *Kul'turno-istoricheskaiia psikhologiia* 15 (2): 54–64. <https://doi.org/10.17759/chp.2019150206>
- Shtein, E. E. 2005. *Formirovanie etnicheskoi samoidentifikatsii u potomkov rusko-evreiskikh brakov v sovremennoi Rossii* [The Formation of Ethnic Identity in the Descendants of Russian-Jewish Marriages in Modern Russia]. PhD dissertation abstract. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences.
- Soldatova, G., and M. Teterina. 2011. Mnogoiazychie kak faktor formirovaniia novoi identichnosti i kul'turno intellekta [Multilingualism as a factor in the formation of a new identity and cultural intelligence]. *Obrazovatel'naia politika* 2 (52): 58–71.
- Stepanov, V. V. 2018. Etnokul'turnoe mnogoobrazie Rossii i vozmozhnosti statisticheskikh izmerenii [Ethnocultural Diversity of Russia and Possibilities of Statistical Measurement]. In *Etnicheskoe i religioznoe mnogoobrazie Rossii* [Ethnic and Religious Diversity of Russia], edited by V. A. Tishkov and V. V. Stepanov, 62–89. Moscow: IEA RAN.
- Svidovskaia, A. S. 2020. Yazykovaia situaciia sredi naseleniia s biethnichnoi rusko-ukrainskoi identichnost'iu na yuge Zapadnoi Sibiri [Linguistic Situation among the Population with a Bi-ethnic Russian-Ukrainian Identity in the South of Western Siberia]. *Obshchestvo: sotsiologiia, psikhologiia, pedagogika* 12 (80): 123–128. <https://doi.org/10.24158/spp.2020.12.23>
- Temirgaleev, R. 2017. Ukraintsy Primorskogo kraia v 1897–2010 v demograficheskom razreze ot iadra “zelenogo klina” do assimiliatsii [Ukrainians of Primorsky Krai in 1897–2010 in a demographic cross-section from the core of the “green wedge” to assimilation]. *Demograficheskoe obozrenie* 4 (4): 150–169.
- Tishkov, V. A. 2007. Demograficheskie “golodomory” [Demographic “starvation”]. *Rodina* 7: 84–89.
- Tishkov, V. A. 2021. Obnovlenie kategorii i praktik [Updating the categories and practices]. In *Yazyk i identichnost': antropologicheskoe issledovanie situatsii v Rossii* [Language and Identity: An Anthropological Study of the Situation in Russia], edited by M. Yu. Martynova, 18–34. Moscow: IEA RAN.
- Tishkov, V. A., and E. F. Kisriev. 2007. Mnozhestvennye identichnosti mezhdru teorii i politikoii (primer Dagestana) [Multiple identities between theory and politics (the case of Dagestan)]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 96–115.
- Trofimchuk, A. Yu. 2014. Yazykovoi sdivg i etnicheskaiia samoidentifikatsiia (na materiale rusko-ukrainskikh govorov Omskoi oblasti) [Linguistic Shift and Ethnic Identification (on the Material of Russian-Ukrainian Dialects in the Omsk Region)]. In *Vstrecha kul'tur v prostranstve Sibiri: nauchnye issledovaniia, memuaristika, khudozhestvennaia kritika* [The Meeting of Cultures in the Space of Siberia: Research, Memoirs, and Art Criticism], edited by N. K. Kozlova, and T. I. Podkorytova, 180–184. Omsk: Poligrafist.
- Vysotskii, V. V. 2012. *Istoricheskaiia, sotsial'no-ekonomicheskaiia i etnokul'turnaia assimiliatsiia ukrainskogo naseleniia Voronezhskoi gubernii: nachalo XIX veka — pervaiia chetvert' XX veka* [Historical, socio-economic and ethnocultural assimilation of the Ukrainian population of Voronezh Province: the beginning of the 19th century — the first quarter of the 20th century]. PhD dissertation. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University.
- Zav'ialov, A. V. 2017. *Sotsial'naia adaptatsiia ukrainskikh immigrantov* [Social adaptation of Ukrainian migrants]. Irkutsk: Izdatel'stvo Irkutskij Gosudarstvennij Universitet.